

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ О ВОЙНЕ

ТАМОНИКОВ
ЛЕКСАНДР

**ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ
НА СЕБЯ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении обложки использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Вызываю огонь на себя / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-089640-0

На подступах к древней Пальмире идут ожесточенные бои. Отряды экстремистов уже окружены правительственными войсками, но от полного уничтожения бандитов спасает близость уникальных памятников мировой культуры. В таких условиях требуется филигранная точность. Чтобы подавить сопротивление террористов и при этом не повредить бесценные артефакты, в тыл врага забрасывается группа корректировщиков. В ходе боя бандиты вычисляют и окружают одного из авианаводчиков. Молодому лейтенанту грозит верная гибель. Он без колебаний принимает героическое решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089640-0

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Сирия. Провинция (мутафаза) Хомс,
район древней Пальмиры, март*

На командно-наблюдательном пункте отдельной штурмовой роты, закрепившейся в ходе наступления сирийской армии, находился командир подразделения капитан Адан Сабир, его заместитель старший лейтенант Юнис Маджид и российский военный советник капитан Юрий Волченков. Связист роты сварил кофе. Офицеры наслаждались ароматным напитком, обсуждали создавшееся положение. Говорили все на русском, так как и Сабир, и Маджид обучались в военно-учебных заведениях России.

— Уперлись мы в этот проклятый хребет, — проговорил ротный, — а как все шло гладко до сих пор! Да, наступали медленно, но за сутки проходили десять-пятнадцать километров. Освободили Эр-Катур, Саар и заняли эту высоту, за ночь выбив радикалов, и вот на тебе, встали.

Заместитель кивнул:

— Да. А до Пальмиры осталось всего ничего. Одно успокаивает: обе бригады приостановили наступательные действия, не мы одни.

Российский капитан, поставив на складной столик пустую чашку, сказал:

— Так этого, господа офицеры, и следовало ожидать.

Сирийцы посмотрели на него.

— В смысле? — спросил ротный.

— Будем говорить о роте, а не о всех силах, брошенных на Пальмиру. Посмотри на карту, Адан.

Сабир убрал чашку, протер полотенцем столик, разложил полевую карту:

— Ну и что? Вижу нашу высоту Астара, хребет Умгдум, куда отошли боевики, развалины деревни перед ним, Черный холм недалеко от восточного прохода, долину, изрезанную балками и оврагами.

— Сколько километров от выступа Астара до хребта? — задал вопрос Волченков.

Сирийский капитан провел курвиметром по карте, выдал:

— По прямой пять тысяч семьсот метров. Но не вижу связи с основным наступлением и отступлением игиловцев.

— Между тем она прямая и очевидная. Рота взяла позиции боевиков на высоте и возле нее за четыре часа. Ты где-нибудь еще видел, чтобы игиловцы так быстро сдавали свои позиции?

— Я считаю, что мы их вынудили отступить.

— Ротой, пусть и усиленной танковым и минометным взводами и подразделением иранцев? Ротой, у которой семь БМП-2, четыре танка, четыре полевых миномета и в общей сложности сто пятьдесят два человека, выбили отряд игиловцев «Куфир» численностью в двести боевиков? Отряд, по данным сирийской разведки, подтвержденным нашими специалистами, имеющий на отделение по пикапу, девять танков «Т-62» и минометную батарею, вооруженную американскими

«М-120»? Причем отряд, занимавший оборону. Ведь тебя же учили в России, что для успешного проведения наступления необходимо как минимум трехкратное преимущество в живой силе и технике. Мы преимуществ, кроме БМП, не имели, а по личному составу, минометам и танкам заметно уступали обороняющимся.

— Что ты хочешь этим сказать, Юра?

— То, Адан, что боевики не имели целью любой ценой удерживать высоту Астара и прилегающий к ней рубеж. Они сдали его, отойдя организованно и быстро на заранее подготовленные позиции на участке между Умгдумом и развалинами деревень, поближе к поселку Тара, где, как известно, находится штаб командующего боевиками юго-западного направления Фераза аль-Ахдара. И теперь террористы могут сдерживать нас с позиций на хребте, что, впрочем, успешно и делают.

Сириец прикурил сигарету:

— Возможно, боевики и провели организованный отход, но сейчас для ИГИЛ любая оставленная деревня, любая высота — большая потеря.

— В глазах спонсоров?

— Вообще. Как только в Сирию пришли военно-космические силы России, мощь террористов значительно снизилась. Они лишились баз снабжения, складов с боеприпасами, командных пунктов. Крупные базы понесли серьезные потери, резко упали доходы от контрабанды нефти. Все больше небольших отрядов, которые раньше воевали против нас, выходят из войны, а некоторые поворачивают оружие против самого ИГИЛ.

— Это, мой друг, не значит, что боевики будут теперь умирать за каждый метр подконтрольной тер-

ритории. В нашем случае они поступили тактически грамотно, да и чему тут удивляться, ведь у ИГИЛ командиры подразделений в большинстве случаев — офицеры армии свергнутого американцами Саддама Хусейна. А те проходили учебу в тех же вузах России и Советского Союза, что и мы с вами. Кроме того, у них большой опыт противодействия войскам западной коалиции. Смотри, Адан, почему мы не можем не только наступать, но и чувствовать себя относительно спокойно на уже занятых позициях? Какую имеют дальность стрельбы американские минометы «М-120»?

— Где-то семь километров, — ответил заместитель.

Волченков поправил молодого старшего лейтенанта:

— До семи тысяч двухсот метров, а при использовании активно-реактивных мин — до десяти с половиной километров. Не думаю, что у игиловцев есть «АРМы», но даже обычными минами они без проблем могут долбить нас, выведя батарею за Черную высоту. Да, танки «Т-62» — хорошие машины, но имеют стоятнадцатимиллиметровую пушку и дальность стрельбы только до шести километров. Но это компенсируется минометами. У нас же российские полевые минометы «ПМ-120» бьют максимум на пять тысяч семьсот метров, значит, в состоянии накрыть лишь передовые подразделения отряда «Куфир». Но командир отряда Самер аль-Диаб, в прошлом ротный в Иране, — далеко не идиот. Он не будет подставлять своих людей и отведет их к развалинам. И свои «Т-62» в нужное время переместить сможет. Однако не будем отвлекаться на тактические возможности боевиков.

Главное, что мы не можем ни наступать, ни наносить противнику сколь-нибудь значительный урон. Контратаковать игольницы, похоже, не собираются, значит, в состоянии удерживать наши силы. Вот такая связь между расстоянием и позициями.

Старший лейтенант Маджид воскликнул:

— Но мы не можем топтаться на месте! Боевой дух поднимается при достижении успеха, в позиционных боях он ослабевает.

— Боишься, что твои бойцы разойдутся по домам? Благо населенные пункты, откуда родом большинство этих солдат, уже восстанавливаются после войны.

— Никто никуда не уйдет, — хлопнул ладонью по столу Сабир, — в худшие времена дрались, а сейчас тем более. Но с боевым духом Юнис прав. Мы же должны что-то предпринимать.

— У тебя есть командование, запроси порядок дальнейших действий, — улыбнулся Волченков, — может, умные штабные головы что-то дельное и подскажут.

— С умными штабными головами, как ты, Юра, выразился, я уже говорил, я хочу узнать твое мнение. Ведь ты же мой советник. Что посоветуешь, капитан?

— А что тебе подсказали в штабе бригады?

— Не подсказали, приказали — развивать наступление. А как его развивать в сложившейся обстановке?

Волченков тоже закурил, старшему лейтенанту пришлось откинуть полы брезента, чтобы из каменного бункера выходил дым.

— Как развивать? А черт его знает, Адан! Не надо было останавливаться здесь, а пройти дальше, еще километра на три и не прямо, а забирая к Черному холму, продвигаясь по балкам. На высоте же можно было

организовать просто наблюдательный пункт, здесь же держать технику, чтобы ее не пожгли в долине.

— Ты считаешь, нам изначально неправильно была поставлена задача?

— Я этого не говорил, Адан, но разумнее было бы прорываться к восточному проходу и за ним занимать плацдарм. Вот тогда к нам точно бросили бы пару батальонов, развивать дальнейшее наступление на высоту Джатель и поселок Тара, и это заставило бы игиловцев не отходить, а бежать.

— Еще если русские самолеты помогли бы, да? Но основную часть ВВС вдруг ни с того ни с сего ваше руководство решило вывести. И это накануне основных сражений.

Волченков стряхнул пепел в банку из-под тушенки, заменявшую пепельницу:

— Адан, ты же не дилетант и прекрасно понимаешь: главная задача той группировки, что стояла здесь раньше, я имею в виду авиационную группировку, полностью выполнена. Не дело штурмовиков и бомбардировщиков гоняться за отдельными машинами и мелкими группами боевиков. А для воздушной поддержки общего наступления самолетов осталось достаточно. Не забывай и о крылатых ракетах морского базирования.

— Так почему, черт возьми, подступы к Пальмире не отрабатывают ни авиацией, ни крылатыми ракетами?

Российский капитан ответил просто:

— Потому, Адан, что здесь Пальмира. Ее не смогли разрушить ни время, ни варвары из ИГИЛ. Ты хочешь, чтобы Пальмиру разрушила российская авиация? И потом, командование наступательными силами не хуже нас знает обстановку

вокруг древнего города и если не применяет авиацию, то, значит, для этого есть веские причины.

— А мы должны наступать под огнем боевиков?

— Наступать в прямом смысле глупо. Даже преступно. Но продвигаться вперед надо. Ты же решил выслать ночью в долину два усиленных отделения взвода лейтенанта Басара? Вот только почему-то мне об этом ни словом не обмолвился.

Сабир взглянул на Маджида:

— Ты?

Тот поднял ладони:

— Клянусь, нет.

— Откуда узнал, Юра? — повернулся к Волченкову командир роты. — Или завел среди бойцов, как это у вас говорится, осведомителя?

— Эх, Адан, правильно говорят: век живи, век учишься. Предлагаю тебе еще раз взглянуть на карту.

— А, черт, — ругнулся ротный, — я же нанес на нее всю информацию.

— А говоришь: осведомитель. Мне это, Адан, не надо.

— Извини, друг. Сам понимаешь — нервы!

— Да ладно, проехали. Скажи, чего ты хочешь добиться этим ночным рейдом?

— Того, о чем говорил ты: продвинуться вперед и закрепиться хотя бы в балках.

— Малый плацдарм?

— Почему нет? Должен же я приказ выполнять? Считаешь решение неверным?

— Я бы, Адан, сосредоточил внимание на Черном холме. Туда бы следовало перебросить сводный отряд. Под сводным я подразумеваю один из твоих взводов и отделение взвода капитана Давари.

— Что бы это дало? Уничтожение передового взвода огнем боевиков?

— Уничтожение минометной батареи террористов, капитан. Я же сказал, скрытно перебросить. Занять позиции, благо там можно подняться на вершину, она представляет собой площадку, где свободно разместятся человек тридцать. Там же легко замаскировать бойцов, рельеф неровный, маскировочная сеть подошла бы идеально. И когда взвод оказался бы на высоте или рядом с ней, дожидаться выхода минометной батареи. Скажем, имитировать попытку подхода роты к балкам. Глядишь, аль-Диаб не только минометы вывел бы из-за хребта, но и пару-тройку «Т-62» послал бы в развалины. Дальше продолжать?

Капитан Сабир отрицательно покачал головой, вздохнул:

— Не надо! Я понял тебя. И ты прав. Но до Черного холма по прямой пять километров, а если учитывать рельеф, то и все шесть выйдет. В случае обнаружения взводу не отойти. До балок же от пятисот до семисот метров. Хотя твое предложение я обязательно доведу до командования.

— Ты сначала сам все хорошо продумай.

— Я подумаю. Еще кофе?

— Меня уже тошнит от него. И чего вы в него всякие пряности кладете?

— Э-э, к нему привыкнуть надо. Привыкнешь, на другой и смотреть не захочешь.

— А пока привыкнешь, все нутро вывернет.

— Не передергивай, Юр! Не хочешь кофе, давай прикажу чай заварить. До ужина еще три часа.

— Нет, Адан, спасибо. Сейчас бы водочки.

Сабир широко улыбнулся:

— Какие проблемы? Есть у меня арак! По сто граммов можно.

— Арак? Нет, друг мой, ты свое тридцатиградусное виноградное, настоянное на анисе пойло, извини, сам пей.

— Чем тебе не нравится арак? Мягкая водка с пряным привкусом.

— И видом. Особенно когда в арак куски льда бросить или холодной водой немного разбавить.

— При чем здесь лед или вода?

— Адан! Ты когда-нибудь в России одеколон пил?

— Одеколон? — удивился сирийский ротный. — Нет, ни одеколон, ни туалетную воду. А зачем?

— Когда у нас со спиртным в России проблемы были, многие одеколон пили, да что там одеколон, всю гадость, типа очистителей стекол, и даже дихлофос в пиво добавляли. Но — к одеколону. Так напрямую его пить хреново, крепкий. Вот и добавляли воду.

— Ну и что? — заинтересовался сирийский офицер.

— А то, что когда в одеколон попадает вода, то смесь приобретает молочный цвет. Как и ваш арак, если в него добавить льда или воды. Один в один. Я как увижу эту мутно-белую жидкость, рвать тянет.

— Ну ты сравнил одеколон с араком.

— Нет, Адан, я имел в виду нашу русскую водочку. Слезинку, как ее еще знатоки называют. Сто граммов, а на закуску грибочки малосольные или огурчики, можно бычки или кильку в томате. Вот это вещь. Но раз у нас нет ни водки, ни грибов, ни огурчиков, ни консервов, забудем о выпивке. Впрочем, я не возражаю, вы можете свой арак хлебнуть.

— Где бы ее взять, русскую водку? Если только у торговцев в Эр-Катуре? Но они продадут, как это у вас называют, подделку?

— Паленку?

— Точно.

— Так что настоящую водку могут только ваши ребята из России привезти. А в арак можно и не добавлять льда. В холодильнике водка и так холодная.

— Нет, благодаря, это все равно что вместо пива «Балтика», которое, кстати, активно начали продавать в Дамаске и в других крупных городах, пить перебродивший кумыс. У «семерки» те же пять-шесть процентов спирта. А разница — как земля и небо.

— Ну и оставим эту тему до лучших времен, — сказал Сабир и предложил: — Пройдем по позициям? Посмотрим настроение личного состава. К танковым, минометным подразделениям, иранцев проведем. Персы предпочитают особняком держаться. Хотя надо признать, воины они отличные.

— Давай пройдем, потом обсудим твое решение.

— Договорились.

Офицеры собрались на выход, но тут появился связист роты сержант Суни Данури:

— Разрешите?

— Что у тебя, Суни? Штаб бригады?

— Никак нет, капитана Волченкова вызывает на связь генерал Кордо... Кордо... не запомнил, сложная фамилия.

— Кордополов, — поправил его Волченков, — генерал-майор Кордополов Николай Леонидович, главный военный советник сирийской армии.

— Большой начальник.

— Большой. Он еще с душманами в Афганистане воевал. Ротой и батальоном командовал.

Волченков взглянул на Сабира:

— Вы начнете обход с первого взвода?

— Да.

— Ступайте, я переговорю с генералом и догоню вас.

— Хорошо. Идем, Юнис, — кивнул ротный заместителю.

Сирийские офицеры стали спускаться с высоты, советник прошел в узел связи, представлявший собой бетонный «короб» со столом, на котором были развернуты средства связи, тут же стояли два стула.

— Жарко у тебя здесь, сержант.

— Я привык. Сейчас не жарко, а тепло, всего двадцать восемь градусов на улице, здесь не больше тридцати.

— Да, нормальная температура.

Он взял гарнитуру радиостанции:

— Полоз на связи!

— Приветствую, Полоз! Кедр.

— Мне доложили.

— Время «Ч» 17.00, в «Ч» + 16 быть на восточной окраине населенного пункта в квадрате... КШМ. При себе иметь все, касаемое планов «Евфрата» на ближайшие трое суток. Вопросы?

— Никак нет!

— До встречи.

— До встречи.

Главный военный советник отключился. Волченков передал гарнитуру радиостанции связисту.

— Все? — спросил тот.